

Письма незнакомке

Автор:

[Андре Моруа](#)

Письма незнакомке

Андре Моруа

Азбука-классика

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго и др., считается подлинным мастером психологической прозы. Его книга «Письма незнакомке» начинается словами: «Вы существуете, и вместе с тем вас нет». Как странно: Анна Каренина есть, Эмма Бовари и тысячи других литературных героинь есть, а незнакомки Моруа нет... А кто же есть? Есть красавица, мелькнувшая в театральном фойе, есть незримая молчаливая собеседница, готовая часами слушать рассуждения о жизни, любви, расставаниях и встречах. Есть писатель, проживший долгую жизнь и готовый делиться сокровенными мыслями. И вот возникает удивительное повествование, которое тут же разлетается на цитаты.

Андре Моруа

Письма незнакомке

Andre Maurois

LETTRES ? L'INCONNUE

Copyright © 2006, The Estate of Andre Maurois, Anne-Mary Charrier, Marseille, France

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Серия «Азбука-классика»

Перевод с французского Якова Лесюка

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

В оформлении обложки использована картина Огюста Ренуара «Мадемуазель Демарси» (1882).

© Я. З. Лесюк (наследник), перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Письма незнакомке

Вы существуете, и вместе с тем вас нет. Когда один мой друг предложил мне писать вам раз в неделю, я мысленно нарисовал себе ваш образ. Я создал вас прекрасной – и лицом, и разумом. Я знал: вы не замедлите возникнуть живой из грез моих и станете читать мои послания, и отвечать на них, и говорить мне все, что жаждет услышать автор.

С первого же дня я придавал вам определенный облик – облик редкостно красивой и юной женщины, которую я увидал в театре. Нет, не на сцене – в зале. Никто из тех, кто был со мною рядом, не знал ее. С тех пор вы обрели глаза и губы, голос и стать, но, как и подобает, по-прежнему остались Незнакомкой.

В печати появились два-три моих письма, и я, как ожидал, стал получать от вас ответы. Здесь «вы» – лицо собирательное. Вас много разных незнакомок: одна – наивная, другая – вздорная, а третья – шалунья и насмешница. Мне не терпелось затеять с вами переписку, однако я удержался: вам надлежало оставаться всеми, нельзя было, чтоб вы стали одной.

Вы укоряете меня за сдержанность, за мой неизменный сентиментальный морализм. Но что поделаешь? И самый терпеливый из людей пребудет верным незнакомке лишь при том условии, что однажды она откроется ему. Мериме довольно быстро узнал о том, что его незнакомку зовут Женни Дакен, и вскоре ему позволили поцеловать ее прелестные ножки. Да, наш кумир должен иметь и ножки, и все остальное, ибо мы устаем от созерцания бестелесной богини.

Я обещал, что стану продолжать эту игру до той поры, пока буду черпать в ней удовольствие. Прошло больше года, я поставил точку в нашей переписке, возражений не последовало. Воображаемый разрыв совсем нетруден. Я сохраню о вас чудесное, незамутненное воспоминание. Прощайте.

А. М.

Об одной встрече

В тот вечер я был не один в «Комеди Франсез». «Давали всего-навсего Мольера», но с большим успехом. Владычица Ирана от души смеялась; Робер Кемп, казалось, блаженствовал; Поль Леото притягивал к себе взоры.

Сидевшая рядом с нами дама шепнула мужу: «Скажу по телефону тетушке Клемансе, что видела Леото, она обрадуется».

Вы сидели впереди, закутавшись в песцовые меха, и, как во времена Мюссе, покачивалась предо мною подобранная «черная коса на дивной гибкой шее». В антракте вы нагнулись к подруге и оживленно спросили: «Как стать любимой?» Мне в свой черед захотелось нагнуться к вам и ответить словами одного из современников Мольера: «Чтобы понравиться другим, нужно говорить с ними о том, что приятно им и что занимает их, уклоняться от споров о предметах маловажных, редко задавать вопросы и ни в коем случае не дать им заподозрить, что можно быть разумней, чем они».

Вот советы человека, знавшего людей! Да, если мы хотим, чтобы нас любили, нужно говорить с другими не о том, что занимает нас, а о том, что занимает их. А что занимает их? Они же сами. Мы никогда не наскучим женщине, коль станем говорить с нею о ее нраве и красоте, коль будем расспрашивать ее о детстве, о вкусах, о том, что ее печалит. Вы также никогда не наскучите мужчине, если попросите его рассказывать о себе самом. Сколько женщин снискали себе славу искусных слушательниц! Впрочем, и слушать-то нет нужды, достаточно лишь делать вид, будто слушаешь.

«Уклоняться от споров о предметах маловажных». Доводы, излагаемые резким тоном, выводят собеседника из себя. Особенно когда правда на вашей стороне. «Всякое дельное замечание задевает», – говорил Стендаль. Вашему собеседнику, возможно, и придется признать неопровержимость ваших доводов, но он вам этого не простит вовеки. В любви мужчина стремится не к войне, а к миру. Блаженны нежные и кроткие женщины, их будут любить сильнее. Ничто так не выводит мужчину из себя, как агрессивность женщины. Амазонок обожествляют, но не обожают.

Другой, вполне достойный способ понравиться – лестно отзываться о людях. Если им это перескажут, это доставит им удовольствие и они в ответ почувствуют к вам расположение.

– Не по душе мне госпожа де... – говорил некто.

– Как жаль! А она-то находит вас просто обворожительным и говорит об этом каждому встречному.

– Неужели?.. Выходит, я заблуждался на ее счет.

Верно и обратное. Одна язвительная фраза, к тому же пересказанная недоброжелательно, порождает злейших врагов. «Если бы все мы знали все то, что говорится обо всех нас, никто ни с кем бы не разговаривал». Беда в том, что рано или поздно все узнают то, что все говорят обо всех.

Возвратимся к Ларошфуко: «Ни в коем случае не дать им заподозрить, что можно быть разумней, чем они». Разве нельзя одновременно и любить, и восхищаться кем-то? Разумеется, можно, но только если он не выражает свое превосходство с высокомерием и оно уравнивается небольшими слабостями, позволяющими другим в свой черед как бы покровительствовать ему. Самый умный человек из тех, кого я знал, Поль Валери, весьма непринужденно выказывал свой ум. Он облакал глубокие мысли в шутивную форму; ему были присущи и ребячество, и милые проказы, что делало его необыкновенно обаятельным. Другой умнейший человек и серьезен, и важен, а все же забавляет друзей своей неосознанной кичливостью, рассеянностью или причудами. Ему прощают то, что он талантлив, потому что он бывает смешон; и вам простят то, что вы красивы, потому что вы держитесь просто. Женщина никогда не надоест даже великому человеку, если будет помнить, что он тоже человек.

Как же стать любимой? Давая тому, кого хотите пленить, веские основания быть довольным собой. Любовь начинается с радостного ощущения собственной силы, сочетающегося со счастьем другого человека. Нравиться – значит и даровать, и принимать. Вот что, незнакомка души моей (как говорят испанцы), хотелось бы мне вам ответить. Присовокуплю еще один – последний – совет, его дал Мериме своей незнакомке: «Никогда не говорите о себе ничего дурного. Это сделают ваши друзья». Прощайте.

О пределах нежности

Поль Валери превосходно рассуждал о многом, и в частности о любви; ему нравилось толковать о страстях, пользуясь математическими терминами: он вполне резонно считал, что контраст между точностью выражений и неуловимостью чувств порождает волнующее несоответствие. Особенно прихлась мне по вкусу одна его формула, которую я окрестил теоремой Валери: «Количество нежности, излучаемой и поглощаемой каждодневно, имеет

предел».

Иначе говоря, ни один человек не способен жить весь день, а уж тем более недели или годы в атмосфере нежной страсти. Все утомляет, даже то, что тебя любят. Эту истину полезно напоминать, ибо многие молодые люди, равно как и старики, о ней, видимо, и не подозревают. Женщина упивается первыми восторгами любви; ее переполняет радость, когда ей с утра до вечера твердят, как она хороша собой, как остроумна, какое блаженство обладать ею, как чудесны ее речи; она вторит этим славословиям и уверяет своего партнера, что он – самый лучший и умный мужчина на свете, несравненный любовник, замечательный собеседник. И тому и другому это куда как приятно. Но что дальше? Возможности языка небезграничны. «Поначалу влюбленным легко разговаривать друг с другом... – заметил англичанин Стивенсон. – Я – это я, ты – это ты, а все другие не представляют интереса».

Можно на сто ладов повторять: «Я – это я, ты – это ты». Но не на сто тысяч! А впереди – бесконечная вереница дней.

– Как называется такой брачный союз, когда мужчина довольствуется одной женщиной? – спросил у американской студентки некий экзаменатор.

– Монотонный, – ответила она.

Дабы моногамия не обернулась монотонностью, нужно зорко следить за тем, чтобы нежность и формы ее выражения чередовались с чем-то иным. Любовную чету должны освежать «ветры с моря»: общение с другими людьми, общий труд, зрелища. Похвала трогает, рождаясь как бы невзначай, непроизвольно – из взаимопонимания, разделенного удовольствия; становясь неперенным обрядом, она приедается.

У Октава Мирбо есть новелла, написанная в форме диалога двух влюбленных, которые каждый вечер встречаются в парке при свете луны. Чувствительный любовник шепчет голосом еще более нежным, чем лунная ночь: «Взгляните... Вот та скамейка, о любезная скамейка!» Возлюбленная в отчаянии вздыхает: «Опять эта скамейка!» Будем же остерегаться скамеек, превратившихся в места для поклонения. Нежные слова, появившиеся и изливающиеся в самый момент проявления чувств, прелестны. Нежность в затверженных выражениях раздражает.

Женщина агрессивная и всем недовольная быстро надоедает мужчине; но и женщина невзыскательная, простодушно всем восторгающаяся ненадолго сохранит свою власть над ним. Противоречие? Разумеется. Человек соткан из противоречий. То прилив, то отлив. «Он осужден постоянно переходить от судорог тревоги к оцепенению скуки», – говорит Вольтер. Так уж созданы многие представители рода человеческого, что они легко привыкают быть любимыми и не слишком дорожат чувством, в котором чересчур уверены.

Одна женщина сомневалась в чувствах мужчины и сосредоточила на нем все свои помыслы. Неожиданно она узнаёт, что он отвечает ей взаимностью. Она счастлива, но, повторяй он сутки напролет, что она – совершенство, ей, пожалуй, и надоест. Другой мужчина, не столь покладистый, возбуждает ее любопытство. Я знавал молоденькую девицу, которая с удовольствием пела перед гостями; она была очень хороша собой, и потому все превозносили ее до небес. Только один юноша хранил молчание.

– Ну а вы? – не выдержала она наконец. – Вам не нравится, как я пою?

– О, напротив! – ответил он. – Будь у вас еще и голос, это было бы просто замечательно.

Вот за него-то она и вышла замуж. Прощайте.

О неизменности человеческих чувств

Я вновь в театре; на этот раз, увы, вас там нет. Я огорчен за себя и за вас. Мне хочется крикнуть: «Браво, Руссен, вот славная комедия!» Одна сцена особенно позабавила публику. Некий юноша наградил ребенком секретаршу своего отца. У него ни положения, ни денег, она же умница и сама зарабатывает себе на жизнь. Он делает ей предложение и получает отказ. И тогда мать молодого отца горько жалуется: «Бедный мой мальчик, она его обольстила и бросила... Скомпрометировала и отказывается покрыть грех!»

Классическая ситуация наизуворот. Но ведь в наши дни экономические взаимоотношения обоих полов частенько, так сказать, вывернуты наизнанку.

Женщины зарабатывают гораздо больше, чем в прошлом. Они меньше зависят от желаний и прихотей мужчин. Во времена Бальзака лучше замужества трудно было что-то придумать, во времена Руссена – это еще вопрос. В «Непорочной» Филиппа Эриа юная девушка обращается к науке с просьбой помочь ей родить ребенка без помощи мужчины.

В действительности наука еще бессильна исполнить это необычное желание, хотя биологи уже приступили к весьма странным и опасным экспериментам. В своей книге «Прекрасный новый мир» Олдос Хаксли попробовал нарисовать, как именно будет появляться на свет потомство через сто лет. В этом лучшем из миров естественное зачатие исключается. Хирурги удаляют женщине яичники, они хранятся в надлежащей среде и по-прежнему вырабатывают яйцеклетки, оплодотворяемые осеменением. Один яичник может дать жизнь шестнадцати тысячам братьев и сестер – группами по девяносто шесть близнецов.

Любовь? Привязанность? Романтика отношений? Правители лучшего из миров испытывают глубокое презрение к этому обветшалому хламу. Им жаль бедняг из XX века, у которых были отцы, матери, мужья, возлюбленные. По их мнению, нечего удивляться, что люди прошлого были безумцами, злобными и ничтожными. Семья, страсти, соперничество приводили к столкновениям, к комплексам. Предки-горемыки волей-неволей всё глубоко переживали, а постоянная острота чувств мешала им сохранять душевное равновесие. «Безликость, Похожесть, Невозмутимость» – вот триединый девиз мира, где нет любви.

К счастью, это всего лишь фантазия, и человечество не идет по этому пути. Человечество вообще изменяется куда меньше, чем думают. Оно как море: на поверхности бурлит, волнуется, но стоит погрузиться в пучину людских душ – и налицо неизменность важнейших человеческих чувств.

Что поет наша молодежь? Песню Превера и Косма: «Когда ты думаешь, когда ты полагаешь, что молодость твоя продлится вечно, о девочка, ты заблуждаешься жестоко!..» Откуда пришла эта тема? Из стихотворения Ронсара, которому уже четыре века:

Вкушайте юности услады!

Не ждите в старости отрады:

Краса поблекнет, как цветок[1 - Пьер де Ронсар. «К Кассандре»].

Почти все мотивы поэтов Плеяды или, скажем, Мюссе все еще звучат и сегодня; на их основе можно было бы сочинить немало песен на любой вкус для Сен-Жермен-де-Пре. Поиграйте-ка в эту игру: она проста, занята и пойдет вам на пользу. Незнакомка de mi alma[2 - Души моей (исп.)], вам следует на что-то решиться. Надменная секретарша из пьесы Руссена в конце концов выходит замуж за свою «жертву», а вы – все еще копия своих сестер из XVI столетия. Прощайте.

О необходимой мере кокетства

«Клевета, сударь! Вы просто не понимаете, чем решили пренебречь», – говорит один из персонажей «Севильского цирюльника». Меня частенько так и подмывает сказать слишком доверчивой и непосредственной в любви женщине: «Кокетство, сударыня! Вы просто не понимаете, к чему относитесь свысока». Кокетство было и есть поразительно мощное и опасное оружие. Этот набор искусных уловок, так внимательно изученный Мариво, заключается в том, чтобы сначала увлечь, затем оттолкнуть, сделать вид, будто что-то даришь, и тут же отнять. Результаты этой игры поразительны. И даже зная заранее обо всех этих ловушках, все равно попадешься.

Если хорошенько подумать, это вполне естественно. Без легкого кокетства, порождающего первую робкую надежду, у большинства людей любовь не просыпается. «Любить – значит испытывать волнение при мысли о некоей возможности, которая затем перерастает в потребность, настойчивое желание, навязчивую идею». Пока нам кажется совершенно невозможным понравиться такому-то мужчине (или такой-то женщине), мы и не думаем о нем (или о ней). Не терзаетесь же вы оттого, что вы не королева Англии. Всякий мужчина находит, что Грета Гарбо и Мишель Морган на редкость красивы, и восторгается ими, но ему и в голову не приходит убиваться от любви к ним. Для своих бесчисленных поклонников они всего лишь образы, живущие на экране. И не сулят никаких возможностей.

Но стоит нам только принять на свой счет чей-либо взор, улыбку, фразу, жест, как воображение помимо нашей воли уже рисует нам скрывающиеся за ними

возможности. Эта женщина дала нам повод – пусть небольшой – надеяться? С этой минуты мы уже во власти сомнений. И вопрошаем себя: «Вправду ли она интересуется мною? А ну как она меня полюбит? Невероятно. И все же ее поведение...» Короче, как говаривал Стендаль, мы «кристаллизуемся» на мысли о ней, другими словами, в мечтах расцвечиваем ее всеми красками, подобно тому как кристаллы соли в копиях Зальцбурга заставляют переливаться все предметы, которые туда помещают.

Мало-помалу желание превращается в наваждение, в навязчивую идею. Кокетке, которой хочется продлить это наваждение и «свести мужчину с ума», достаточно прибегнуть к старой, как род людской, тактике: убежать, дав перед этим понять, что она не имеет ничего против преследования, отказать, оставляя, однако, проблеск надежды: «Возможно, завтра я буду ваша». И уж тогда незадачливые мужчины последуют за нею хоть на край света.

Эти уловки достойны осуждения, если кокетка употребляет их, дабы вывести из равновесия многочисленных воздыхателей. Такое поведение непременно заставит ее быть нервной и обманывать, разве только она чертовски ловка и умудрится, никому не уступая, не задеть самолюбия мужчин. Но и записная кокетка рискует в конце концов исчерпать терпение своих обожателей. Она, как Селимена у Мольера, погнавшись за несколькими зайцами сразу, в конечном счете не поймают ни одного.

Раз вы не можете в счастливой стороне,

Как все нашел я в вас, все обрести во мне,

– Прощайте навсегда! Как тягостную ношу,

С восторгом наконец я ваши цепи сброшу.[3 - Мольер. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Искусство, 1965. С. 394.]

Напротив, кокетство совершенно невинно и даже необходимо, если его цель – сохранить привязанность мужчины, которого любят. В этом случае женщина в глубине души не испытывает никакого желания кокетничать. «Величайшее чудо любви в том, что она исцеляет от кокетства». По-настоящему влюбленной женщине приятно отдаваться без оглядки и притворства, часто с возвышенным великодушием. Однако случается, что женщина вынуждена слегка помучить того, кого любит, так как он принадлежит к числу тех мужчин, которые не могут жить, не страдая, и которых удерживает сомнение.

Тогда даже целомудренной, но влюбленной женщине не зазорно притвориться кокеткой, дабы не потерять привязанность мужчины, подобно тому как сестре милосердия приходится иногда в интересах больного быть безжалостной. Укол болезнен, но целителен. Ревность мучительна, но она укрепляет чувство. Если вы, моя незнакомка, когда-либо позволите мне узнать вас, не будьте кокеткой. Не то я непременно попадусь в сети, как и всякий другой. Прощайте.

О даме, которая все знает

- Как?! Вы мой сосед, доктор?

- Да, один из двух ваших соседей, сударыня.

- Я в восторге, доктор; мне давно уже не удавалось спокойно поболтать с вами.

- Я тоже очень рад.

- Мне надобно получить у вас уйму советов, доктор... Это не будет вам в тягость?

- Говоря по правде, сударыня...

- Прежде всего, моя бессонница... Помните, какая у меня бессонница? Но что я вижу, доктор? Вы принимаетесь за суп?

- А почему бы нет?

- Да вы с ума сошли! Нет ничего вреднее для здоровья, чем поток жидкости в начале трапезы...

- Помилуйте, сударыня...

- Отставьте подальше этот крепкий бульон, доктор, прошу вас, и давайте-ка вместе изучим меню... Семга годится... в рыбе много белков. Пулярка тоже... Так-так, нужный нам витамин А мы получим с маслом; витамин С – с фруктами... Вот витамина В вовсе нет... Какая досада! Вы не находите, доктор?

- На нет и суда нет.

- Скажите, доктор, сколько нужно ежедневно калорий женщине, которая, как я, ведет деятельный образ жизни?

- Точно не скажу, сударыня... Это не имеет ровно никакого значения.

- Как это не имеет никакого значения? Вы еще, пожалуй, скажете, что уголь не имеет никакого значения для паровоза, а бензин – для автомобиля!.. Я веду такой же образ жизни, как мужчины, и мне необходимы три тысячи калорий, не то я захирею.

- Вы их подсчитываете, сударыня?

- Подсчитываю ли я их!.. Вы, видно, шутите, доктор?.. У меня всегда с собой таблица... (Открывает сумочку.) Смотрите, доктор... Ветчина – тысяча семьсот пятьдесят калорий в килограмме... Цыпленок – тысяча пятьсот... Молоко – семьсот...

- Превосходно. Но как узнать, сколько весит это крылышко цыпленка?

- Дома я требую взвешивать все порции. Тут, в гостях, я прикидываю на глазок... (Она издает вопль.) Ах, доктор!

- Что с вами, сударыня?

- Умоляю вас, остановитесь!.. Это так же непереносимо, как скрежет ножа, как фальшивая нота, как...

- Да что я сделал, сударыня?

- Доктор, вы смешиваете белки с углеводами... Ах, доктор, остановитесь!..

- Эх! Шут меня побери, я ем то, что мне подают...

- Вы! Знаменитый врач!.. Но ведь вы прекрасно знаете, доктор, что обычная трапеза рядового француза - бифштекс с картофелем - это самый опасный яд, какой только можно приготовить!

- И тем не менее рядовой француз благополучно здравствует...

- Доктор, да вы суший еретик... Я с вами больше не разговариваю... (Чуть слышно.) А кто мой другой сосед? Я слышала его фамилию, но он мне незнаком.

- Это важный чиновник из Министерства финансов, сударыня.

- Правда? Как интересно! (Энергично поворачивается направо.) Как там наш бюджет, сударь? Вы уже свели концы с концами?

- Ах, сударыня, смилуйтесь... Я сегодня битых восемь часов говорил о бюджете... И надеялся, что хоть за обедом получу передышку.

- Передышку!.. Мы вам дадим ее тогда, когда вы утрясете наши дела... И ведь это так просто.

- Так просто, сударыня?

- Проще простого... Наш бюджет составляет четыре триллиона?

- Да, приблизительно так...

- Превосходно... Урежьте все расходы на двадцать процентов...

(Врач и финансист, точно сообщники, обмениваются за спиной дамы-всезнайки взглядами, полными отчаяния.)

У вас, моя драгоценная, хватает здравого смысла ничего не знать. Вот почему вы все угадываете. Прощайте.

Об одной молоденькой девушке

– Покорить мужчину... – говорит она. – Но женщине не дано покорять. Она – существо пассивное. Она ждет нежных признаний... Или обидных слов. Не ей же проявлять инициативу.

– Вы описываете видимость, а не реальность, – возражаю я. – Бернард Шоу уже давно написал, что если женщина и ждет нежных признаний, то так же, как паук ждет муху.

– Паук тклет паутину, – отвечает она, – а что, по-вашему, делать бедной девушке? Она или нравится, или нет. Коли она не нравится, ее жалкие старания не способны преобразить чувства мужчины. Думаю, она скорее добьется обратного: ничто так не раздражает юношу, как притязания девушки, к которой он равнодушен. Женщина, которая сама себя навязывает и делает первый шаг, добьется презрения мужчины, но не его любви.

– Это было бы верно, – говорю я, – если бы женщина действовала неумело и было бы очевидно, что инициатива исходит от нее; но искусство как раз в том и заключается, чтобы сделать первые шаги незаметно. «Она бежит под сень плакучих ив, но хочет, чтобы ее увидели...» Отступая, заманить противника – вот старая, проверенная военная хитрость, она немало послужила и девицам, и солдатам.

– Это и в самом деле испытанная хитрость, – соглашается она, – но, если у неприятеля нет ни малейшего желания преследовать меня, мое бегство ни к чему не приведет, я так и останусь в одиночестве под сенью плакучих ив.

– Вот тут-то вы, женщины, и должны постараться пробудить в мужчине желание преследовать вас. Для этого разработана целая тактика, и вам она знакома лучше, нежели мне. Надо ему кое-что позволить, притвориться, будто он вас сильно занимает, потом неожиданно «все поломать» и решительно запретить

ему то, что еще вчера он считал прочно завоеванным. Контрастный душ – встряска суровая, но под ним и любовь, и желание растут как на дрожжах.

– Вам-то легко говорить, – возражает она, – но такая тактика предполагает, во-первых, хладнокровие у той, что приводит замысел в исполнение (а как подвергнуть испытанию человека, чей голос заставляет вас трепетать?); во-вторых, необходимо, чтобы испытуемый мужчина уже начал обращать на вас внимание. В противном случае катайте сколько хотите клубок ниток, котенок отказывается играть.

– Ни за что не поверю, – говорю я, – что молоденькая и хорошенькая девушка не в силах заставить мужчину обратить на нее внимание; для начала достаточно завести речь о нем самом. Большинство представителей сильного пола кичатся своей специальностью. Терпеливо выслушивайте их разглагольствования о профессии и о них самих – этого вполне достаточно, чтобы они сочли вас умницей и почувствовали желание снова увидеться с вами.

– Стало быть, надо уметь и поскучать?

– А как же, – подтверждаю я. – Это уж само собой разумеется. Касается ли дело мужчин или женщин, любви или политики, в этом мире преуспеет тот, кто умеет и поскучать.

– Ну, тогда я предпочитаю не преуспевать, – замечает моя собеседница.

– Я тоже, – соглашаюсь я, – и, Бог свидетель, уж в этом-то мы с вами преуспеем.

Вот такой разговор, querida[4 - Дорогая (исп.)], произошел у меня вчера с одной молоденькой девушкой. Ничего не поделаешь! Вас ведь рядом не было, а жить-то все-таки нужно. Прощайте.

О мужской половине рода человеческого

На днях я прочел в американской газете статью, которая бы вас позабавила. В ней одна американка обращается к своим сестрам, женщинам. «Вы сетуете на то, – пишет она, – что не можете найти себе мужа? Вы не обладаете той неотразимой красотой, к какой Голливуд, увы, приохотил наших мужчин? Вы ведете замкнутый образ жизни, редко бываете в обществе? Словом, у вас почти нет знакомых мужчин, а те, среди которых мог бы оказаться ваш избранник, не обращают на вас внимания?»

Позвольте же дать вам несколько советов, которые мне самой очень пригодились. Я полагаю, что вы, как и многие из нас, живете в небольшом коттедже; вокруг – лужайка, неподалеку – другие такие же дома. По соседству с вами, без сомнения, обитают несколько холостяков.

– Ну конечно! – скажете вы мне. – Да только им и дела до меня нет.

– Так-так! Тут-то как раз и подойдет первый мой совет. Приставьте к стене своего домика лестницу; влезьте на крышу и принимайтесь за установку телевизионной антенны. Этого довольно. Тотчас же к вам устремятся, точно шершни, привлеченные горшочком меда, все мужчины, живущие окрест. Почему? Потому что они обожают технику, любят что-нибудь мастерить, потому что все они считают себя умелыми и искусными... а главное, потому что им доставляет огромное удовольствие показать женщине свое превосходство.

– Да нет же! – скажут они вам. – Вы не знаете, как за это взяться. Позвольте-ка сделаю я...

Вы, разумеется, соглашаетесь и с восторгом взираете на то, как они работают. Вот вам и новые друзья, которые к тому же признательны вам за то, что вы дали им случай блеснуть.

Для стрижки газона, – продолжает американка, – у меня имеется каток с электрическим мотором; я без труда управляюсь с ним, двигаясь вдоль лужайки. До тех пор пока все в порядке, ни один мужчина не появляется на горизонте. Стоит же мне захотеть, чтобы соседи мною заинтересовались, нет ничего проще: я вывожу мотор из строя и делаю вид, будто озабоченно ищу причину поломки. Тут же справа от меня появляется один мужчина, вооруженный клещами, а слева другой, с ящиком инструментов в руках. Вот наши механики и в западне.

Та же самая игра на автостраде. Остановитесь, поднимите капот машины и наклонитесь с растерянным видом над свечами. Другие шершни, охочие до похвал, в свой черед остановятся и предложат вам свои неоценимые услуги. Имейте, однако, в виду, что замена колеса или накачивание шины для них занятие малопривлекательное. Эта работа хоть и нехитрая, но зато трудоемкая и почета не сулит. А для мужчины, владыки мира, самое главное – выказать свое всемогущество перед смиренными женщинами. Сколько подходящих женихов в одиночестве катят по дорогам и, сами того не подозревая, желают только одного – найти себе спутницу жизни вроде вас: простодушную, несведущую и готовую восхищаться ими! Дорога к сердцу мужчины, как вехами, отмечена автомашинами».

Я полагаю, что эти советы и впрямь полезны, когда речь идет об американцах. Будут ли они столь же действенны применительно к французам? Пожалуй, нет; но у нас есть свои уязвимые места. Нам нравится восхищаться речами и звонкими фразами. Попросить профессионального совета у финансиста, политического деятеля, ученого – один из способов покорить мужчину, и он также рассчитан на неистребимое тщеславие мужской половины рода человеческого. Уроки ходьбы на лыжах, уроки плавания – превосходные силки для мужчин-спортсменов.

Гёте в свое время заметил, что нет ничего привлекательнее, чем занятия молодого человека с девушкой: ей нравится узнавать, а ему обучать. Это верно и по сей день. Сколько романов завязывается за переводами из латыни или за решением задачи по физике, когда пушистые волосы молоденькой ученицы касаются щеки ее юного наставника! Попросить, чтобы вам разъяснили сложную философскую проблему, слушать объяснение с задумчивым видом, повернув головку так, как вам особенно идет, затем проникновенно сказать, что вы все поняли, – кто способен устоять перед этим! Во Франции путь к сердцу мужчины проходит через его ум. Отыщу ли я путь к вашему сердцу? Прощайте.

О любви и браке во Франции

Чтобы лучше понять, каковы взгляды французов и француженок на любовь и брак, следует прежде вспомнить историю нежных чувств в нашей стране. В ней легко обнаружить два течения.

Первое, мощное течение – любовь возвышенная. Именно во Франции в Средние века родилась куртуазная любовь. Поклонение женщине, желание ей понравиться, слагая песни и стихи (трубадуры) или совершая подвиги (рыцари), – неотъемлемые черты элиты французского общества той поры. Ни одна литература не придавала такого значения любви и страсти.

Однако наряду с этим течением существовало второе, весьма распространенное. Его описывает Рабле. Любовь плотская, чувственная выступает тут крупным планом. Брак при этом скорее вопрос не чувства, а лишь удобная форма совместной жизни, позволяющая растить детей и блюсти обоюдные интересы. У Мольера, например, муж – немного смешной персонаж, которого жена, если может, обманывает и который сам ищет любовных похождения на стороне.

В XIX веке господство зажиточной буржуазии, придававшей огромное значение деньгам и передаче их по наследству, привело к тому, что брак превратился в сделку, как это видно из книг Бальзака. В таком браке любовь могла родиться позднее – в ходе совместной жизни – из взаимных обязанностей супругов, вследствие сходства темпераментов, но это не считалось необходимым. Встречались и удачные браки, возникшие на основе трезвого расчета. Родители и нотариусы договаривались о приданом и об условиях брачного контракта прежде, чем молодые люди познакомились друг с другом.

Сегодня мы все это переменяли. Состояние теперь уже не играет определяющей роли при выборе спутника жизни, так как образованная жена, которая служит, или муж с хорошей специальностью ценятся несравненно больше, чем приданое, чья стоимость может резко упасть. Возвышенные чувства, тяга к романтической любви – наследие прошлых веков – также утратили былое могущество. Почему? Во-первых, потому, что женщина, добившись равноправия, перестала быть для мужчины недостижимым, таинственным божеством, а стала товарищем; во-вторых, потому, что молоденькие девушки теперь немало знают о физической стороне любви и более верно и здраво смотрят на любовь и брак.

Нельзя сказать, что юноши и девушки совсем не стремятся к любви; но они ищут ее в прочном браке. Они с опаской относятся к браку по страстной любви, так как знают – страсть недолговечна. Во времена Мольера брак знаменовал собою конец любви. Сегодня он – лишь ее начало. Удачный союз двоих сегодня более тесен, чем когда-либо, ибо это одновременно союз плоти, души и интеллекта. Во времена Бальзака мужа, влюбленного в свою жену, находили смешным. Сегодня развращенности больше на страницах романов, чем в жизни. Нынешний мир

непрост, жизнь требует полной отдачи и от мужчин, и от женщин, а потому все больше и больше брак, скрепленный дружбой, взаимным тяготением и душевной привязанностью, представляется француженкам лучшим решением проблемы любви. Прощайте.

Об относительности несчастий

Женщина, к которой я очень привязан, порвала вчера свое бархатное платье. Целый вечер длилась мучительная драма. Прежде всего, она не могла понять, каким образом возникла эта широкая поперечная прореха. Она допускала, что юбка была слишком узкой и при ходьбе... И все же до чего жестока судьба! Ведь то был ее самый очаровательный наряд, последний из тех, что она решилась заказать знаменитому портному. Беда была непоправима.

- А почему бы не заштопать его?

- Ох уж эти мужчины! Ничего-то они не смыслят. Ведь шов сразу бросится в глаза.

- Купите немного черного бархата и замените полосу по всей ширине.

- Ну что вы говорите! Два куса бархата одного цвета всегда хоть немного да отличаются по оттенку. Черный бархат, который побывал в носке, приобретает зеленоватый отблеск. Это будет ужасно. Все мои приятельницы тут же всё заметят, и пересудам не будет конца.

- Микеланджело умел извлекать пользу из прожилок и трещин в глыбе мрамора, которую получал для ваяния. Он обращал эти изъяны материала в дополнительный источник красоты. Пусть же и вас вдохновит эта дыра. Проявите изобретательность, пустите сюда кусок совсем другой ткани. Подумают, что вы сделали так намеренно, и это вызовет восхищение.

- Какая наивность! Деталь, противоречащая целому, не оскорбит взора лишь в том случае, если какая-нибудь отделка того же тона и стиля будет напоминать о ней в другом месте - на отворотах жакета, на воротнике или на поясе. Но эта

одинокая полоса... Нелепость! И разве могу я носить заштопанное платье?

Словом, мне пришлось согласиться с тем, что беда непоправима. И тогда утешитель уступил место моралисту.

– Пусть так! – воскликнул я. – И впрямь случилось несчастье. Но согласитесь, по крайней мере, что это не худшая из бед. У вас порвалось платье? Примите заверения в моем глубоком сочувствии, но подумайте о том, что у вас мог быть пропорот живот или искромсано лицо во время автомобильной аварии; подумайте о том, что вы могли подхватить воспаление легких или отравиться, а ведь здоровье для вас важнее, чем одежда; подумайте о том, что вы могли лишиться не бархатного платья, а сразу нескольких друзей; подумайте, наконец, и о том, что мы живем в грозное время, что может разразиться война и тогда вас могут задержать, бросить в тюрьму, выслать, убить, разорвать на части, испепелить. Вспомните о том, что в тысяча девятьсот сороковом году вы потеряли не какое-то там тряпье, а все, что у вас было, причем встретили эту беду с мужеством, которым я до сих пор восхищаюсь...

– К чему вы клоните?

– Всего-навсего к тому, что человеческая жизнь трудна, бархат рвется, а люди умирают, что это весьма печально, но надо понимать, что несчастья бывают разного рода. «Я охотно возьму в свои руки защиту их нужд, – говорил Монтень, – но не хочу, чтобы эти нужды сидели у меня в печенках или стояли поперек горла». Он подразумевал: «Я, мэр города Бордо, охотно возьмусь исправить ущерб, причиненный вашей казне. Но я не хочу губить свое здоровье, убиваясь по этому поводу». Эти слова вполне применимы и к вашему случаю. Я охотно оплачу новое платье, но отказываюсь рассматривать утрату как национальную или вселенскую катастрофу.

Не переворачивайте же вверх дном, о моя незнакомая подруга, пирамиду горестей и не ставьте на одну доску подгоревший пирог, прохудившиеся чулки, гонения на ни в чем не повинных людей и цивилизацию, оказавшуюся под угрозой. Прощайте.

О детской впечатлительности

Взрослые слишком часто живут рядом с миром детей, не пытаясь понять его. А ребенок между тем пристально наблюдает за миром своих родителей; он старается постичь и оценить его; фразы, неосторожно произнесенные в присутствии малыша, подхватываются им, по-своему истолковываются и создают определенную картину мира, которая надолго сохранится в его воображении. Одна женщина говорит при своем восьмилетнем сыне: «Я скорее жена, нежели мать». Этим, сама того не желая, она, быть может, наносит ему рану, которая будет кровоточить чуть ли не всю его жизнь.

Преувеличение? Не думаю. Пессимистическое представление о мире, сложившееся у ребенка в детстве, возможно, в дальнейшем изменится к лучшему. Но процесс этот будет протекать мучительно и медленно. Напротив, если родителям удалось в ту пору, когда у ребенка еще только пробуждается сознание, внушить ему веру в незлобивость и отзывчивость людей, они тем самым помогли своим сыновьям или дочерям вырасти счастливыми. Различные события могут затем разочаровать тех, у кого было счастливое детство, раньше или позже они столкнутся с трагическими сторонами бытия и жестокими сторонами человеческой природы. Но против ожидания лучше перенесет всевозможные невзгоды как раз тот, чье детство было безмятежно и прошло в атмосфере любви и доверия к окружающим.

Мы произносим при детях фразы, которым не придаем значения, но им-то они представляются полными скрытого смысла. Одна учительница как-то поведала мне такую историю. Она попросила свою маленькую ученицу: «Раздвинь шторы, дай-ка появиться свету в нашей комнате». Та застыла в нерешительности.

– Я боюсь...

– Боишься? А почему?

– Но видите ли... Я прочла в Священном Писании, что едва Рахиль дала появиться на свет Вениамину, как тут же умерла.

Один мальчик постоянно слышал, как у них в доме называли каминные часы «Мария-Антуанетта», а мебель в гостиной – «Людовик Шестнадцатый», и решил,

что эти часы зовут «Мария-Антуанетта» подобно тому, как его самого зовут Франсуа. Можно себе представить, какие причудливые образы возникнут в его воображении, когда на первых же уроках французской истории имена, обозначавшие для него предметы домашнего обихода, смешаются с кровавыми и печальными событиями.

Сколько невысказанных опасений, сколько невообразимых понятий роится в детских головках! Я вспоминаю, что, когда мне было лет пять или шесть, в наш городок приехала на гастроли театральная труппа и повсюду были расклеены афиши с названием спектакля «Сюрпризы развода». Я не знал тогда, что значит слово «развод», но смутное предчувствие подсказывало мне, что это одно из тех запретных, притягательных и опасных слов, что приоткрывают завесу над тайнами взрослых. И вот в тот самый день, когда приехала эта труппа, городской парикмахер в приступе ревности несколько раз выстрелил из револьвера в свою жену. Об этом случае рассказали при мне. Каким образом возникла тогда в моем детском сознании связь между этими двумя столь далекими друг от друга фактами? Точно уж не помню. Но еще очень долго я думал, что развод – это такое преступление, когда муж убивает свою виновную жену, и что совершается оно прямо на глазах у зрителей на сцене театра в Понде-л'Эр.

Разумеется, и самые чуткие родители не в силах помешать зарождению сверхъестественных представлений и наивных догадок в головах их детей. Известно, что жизненный опыт так просто не передается, каждый самостоятельно усваивает уроки жизни, но остерегайтесь, по крайней мере, давать ребенку опасную пищу для воображения. Мы избавим своих детей от тяжелых переживаний, если будем все время помнить о том, что они обладают обостренным любопытством и гораздо впечатлительнее нас. Это урок для матерей. Прощайте.

О правилах игры

Не знаю, слушаете ли вы иногда по радио передачу «Субботняя беседа». В ней участвуют Арман Салакру, Ролан Манюэль, Андре Шамсон, Клод Мориак и ваш покорный слуга. Мы говорим обо всем: о театре, о книжных новинках, полотнах художников, концертах и о самих себе. Словом, это настоящая беседа, заранее

не отрепетированная, такая, какую могли бы вести пятеро друзей за чашкой кофе. Сам я получаю от нее истинное наслаждение и всякий раз с радостью встречаюсь перед микрофоном с моими собеседниками. Ален говаривал, что дружба часто возникает в силу обстоятельств: в лицее, в полку; эти неперенные встречи тоже сдружили нас.

На днях Клод Мориак выдвинул тезис, на мой взгляд, верный. «Куртуазная любовь, описанная в рыцарских романах, – говорил он, – это своеобразная игра, правила которой ничуть не изменились со времен средневековых трактатов о любви. Они те же и в произведениях XVII века – в „Астрее“, и в „Принцессе Клевской“, и в произведениях романтиков, хотя и выражены там с большим пафосом; они же определяют поступки и речи Свана у Марселя Пруста. Традиция эта требует, чтобы любящие ревниво относились не только к телу, но и к помыслам друг друга; чтобы малейшее облачко на челе возлюбленной будило тревогу; чтобы всякая фраза любимого существа тщательно обдумывалась, а всякий поступок истолковывался; чтобы при одной мысли об измене человек бледнел. Мольер потешался над подобным выражением чувств; Пруст жалел страдальцев; однако несколько веков и писатели, и читающая публика не подвергали сомнению сами правила. В наши дни появилось новое влияние: молодые авторы уже не приемлют старых правил игры; это не значит, что они утратили интерес к этой теме, просто они изменили свод правил. О какой ревности может идти речь, когда женское тело доступно всеобщему обозрению на пляжах...»

Тут я прервал Мориака, чтобы процитировать одно из писем Виктора Гюго к невесте, которое и впрямь не могло бы быть написано в наши дни. В этом письме он сурово упрекает ее за то, что, боясь запачкать на улице платье, она слегка приподняла его и невольно приоткрыла свою лодыжку; это привело Гюго в такую ярость, что он был способен убить случайного прохожего, бросившего взгляд на ее белоснежный чулок, или наложить на себя руки. Правила игры для молодых писателей, кажется, таковы, что полностью исключают какую-либо ревность и позволяют цинично рассуждать об амурных похождениях той, которую любят. Все это никак не совместимо с требованиями куртуазной любви. Ибо это неповторимое чувство, возможное лишь «между двумя абонентами», как выражаются телефонисты, – удел только двоих.

На деле во второй половине современного романа влюбленные, как правило, открывают для себя любовь. Они как бы нехотя признают прелесть верности, сладость привязанности и даже терзания ревности. Но более сдержанные, чем

герои у романтиков и даже у Пруста, они говорят о своих чувствах с деланным равнодушием и некоторой долей иронии, во всяком случае, так это выглядит на словах. Они относятся к Амуру с юмором. Это причудливое сочетание не лишено своей прелести.

Внове ли это? Я в этом не слишком уверен. Правила игры, начиная с госпожи де Лафайет и до Луизы Вильморен, никогда не были такими уж строгими. Англосаксы давным-давно отказались от открытого выражения своих самых пылких чувств.

Наряду с традицией куртуазной любви можно обнаружить и другую, идущую от эпохи Возрождения. Любовные истории в произведениях Бенвенуто Челлини и даже Ронсара выглядят не слишком-то романтически. Иные герои Стендаля или (в наши дни) Монтерлана следуют правилам любовной игры эпохи Возрождения, а не средневековых трактатов о любви. Эти правила нередко менялись, они будут меняться и в дальнейшем. Я жду от нынешнего молодого писателя нового «Адольфа» и нового «Свана». И предрекаю ему большой успех.

Ибо если правила игры и меняются, то ставка остается прежней. Ставка эта – вы, моя драгоценная. Прощайте.

Умение использовать смешные черты

Замечали ли вы, незнакомка души моей, что наши недостатки могут нравиться не меньше, чем достоинства? А порою даже и больше? Ведь достоинства, возвышая вас, унижают другого, между тем как недостатки, позволяя другим беззлбно посмеяться над вами, поднимают их в собственных глазах. Женщине прощают болтливость – ей не прощают ее правоту. Байрон оставил свою жену, которую он именовал «принцессой параллелограммов», ибо она была слишком проникательна и умна. Греки недолюбливали Аристида именно за то, что все называли его Справедливым.

В своем произведении «Увиденные факты» Виктор Гюго рассказывает о некоем господине де Сальванди, чья политическая карьера была блистательна. Он сделался министром, академиком, посланником, был награжден большим крестом ордена Почетного легиона. Вы скажете: все это не бог весть что; но он

ко всему прочему еще пользовался успехом у женщин, а это уже многого стоит. Так вот, когда этот Сальванди впервые появился в свете, куда его ввела госпожа Гайль, знаменитая Софи Гэ воскликнула: «Но, дорогая, в вашем милом юноше так много смешного! Нужно заняться его манерами». «Боже упаси! – вскричала госпожа Гайль. – Не лишайте его своеобразия! Что же у него тогда останется? Ведь именно оно-то и приведет его к успеху...» Будущее подтвердило правоту госпожи Гайль.

Анри де Жувенель когда-то рассказывал мне, что в молодости, когда он был журналистом, его поразили первые шаги в парламенте депутата от Кальвадоса, некоего Анри Шерона. У этого Шерона был большой живот, борода, и он носил старомодный сюртук; влезая на стол, он громко распевал «Марсельезу» и произносил высокопарные речи. Клемансо назначил его помощником военного министра, Шерон немедленно начал объезжать казармы и пробовать солдатскую пищу. Журналисты потешались над ним; Жувенель подумал, что будет занятно написать о нем статью, и решил повидать Шерона. Тот встретил его с вызывающим видом.

– Знаю, молодой человек! – воскликнул он. – Вы пожаловали, чтобы удостовериться в том, что я смешон... Ну как? Удостоверились?.. Да, я смешон... Но смешон-то я намеренно, ибо – запомните, молодой человек, – в этой завистливой стране казаться смешным – единственный безопасный способ прославиться.

Эти слова восхитили бы Стендаля. Но не обязательно казаться смешным, вы, наверное, и сами замечали, что некоторые причуды, оригинальная манера одеваться приносят мужчине или женщине больше славы, нежели талант. Тысячам людей, в жизни не читавшим Андре Жида, были знакомы его мексиканские фетровые шляпы и короткий плащ. Уинстон Черчилль – великий оратор, но он хорошо знал людей и весьма умело обыгрывал свою диковинную шляпу, непомерно толстые сигары, галстуки бабочкой и пальцы, раздвинутые буквой «V». Я знавал некоего французского посла в Лондоне, который не мог произнести ни слова по-английски, но зато носил галстук в горошек, завязанный пышным бантом, что необыкновенно умиляло англичан. И он долго сохранял свой пост.

Последите за людьми, обедающими в ресторане. Кого лучше всего обслуживают, кого будут усердно обхаживать метрдотели? Человека положительного, всем довольного? Вовсе нет. Клиента с причудами. Быть требовательным – значит

заинтересовать людей. Мораль: держите себя естественно и, если вам это присуще, чуть картинно. Вам будут за это признательны. Прощайте.

О сценах

Делаете ли вы сцены своему мужу и друзьям, сударыня? Хотя у вас вид Минервы, я крайне удивлюсь, если вы к ним не прибегаете. Сцена – излюбленное оружие женщины. Она позволяет им разом, путем короткой эмоциональной вспышки, полной негодования, добиться того, о чем бы они в спокойном состоянии тщетно просили целые месяцы и годы. Тем не менее они должны приноравливаться к мужчине, с которым имеют дело.

Встречаются такие легковозбудимые мужчины, которые получают от ссор удовольствие и могут своим поведением перещеголять даже женщину. Та же запальчивость сквозит в их ответах. Такие ссоры не обходятся без взаимных грубостей. После скандала накал слабеет, на душе у обоих становится легче и примирение бывает довольно нежным. Я знаю немало женщин, которые, устраивая сцены, не страшатся и побоев. Они даже втайне жаждут их, но ни за что в том не признаются. «Ну а если мне нравится, чтобы меня поколотили?» – вот ключ к этой непостижимой загадке. У женщин, ценящих в мужчине прежде всего силу – духовную и телесную, – оплеуха, которую им закатили, только подогревает чувство.

– Какая мерзость! – воскликнете вы. – Мужчина, поднявший на меня руку, перестал бы для меня существовать.

Вы искренне так думаете, но для полной уверенности вам нужно бы испытать себя. Если ваше омерзение подтвердится, это значит, что гордость в вас сильнее, чем чувственность.

Нормальный мужчина терпеть не может сцен. Они ставят его в унижительное положение, ибо он при этом, как правило, теряет инициативу. А и может ли уравновешенный супруг успешно противостоять разъяренной пифии, которая со своего треножника обрушивает на него поток брани? Многие мужчины, стоит только разразиться буре, предпочитают удалиться или, развернув газету, перестают обращать внимание на происходящее.

Следует помнить, что бездарно разыгранная сцена быстро надоедает.

Уже само слово сцена нам многое объясняет. Оно позаимствовано у актеров. Для того чтобы произвести эффект, она должна быть мастерски разыграна. Начавши с пустяков, только потому, что накопившееся раздражение требовало выхода, сцена должна постепенно набирать силу, питаясь всеми тягостными воспоминаниями, пополняясь давнишними обидами, наполняя все вокруг рыданиями. Затем – в подходящий момент – должен произойти перелом: стенания пошли на убыль, их сменили задумчивость и тихая грусть, вот уже появилась первая улыбка, и венец всему – взрыв сладострастия.

– Но чтобы так разыграть сцену, женщина должна действовать по заранее обдуманному плану и все время владеть собой...

Вы правы, сударыня. Ничего не поделаешь – театр! Талантливая актриса постоянно отдает себе отчет в том, что говорит и делает. Лучшие сцены – те, которые устраивают намеренно и тонко разыгрывают. Не только женщины владеют этим искусством. Выдающиеся полководцы – Наполеон, Лиге – редко впадали в гнев, лишь тогда, когда полагали это необходимым. Но уж тогда их ярость сокрушала все преграды! Лиге в приступе гнева швырял наземь свое маршальское кепи и топтал его. В подобные дни он еще утром говорил своему ординарцу:

– Поддай-ка мне мое старое кепи.

Берите с него пример. Берегите свое возмущение для важных обстоятельств: будьте пастырем ваших слез. Сцены только тогда эффективны, когда редки. В странах, где грозы гремят чуть ли не каждый день, на них никто не обращает внимания. Не стану приводить в пример самого себя. По натуре я малораздражителен, однако и я раз или два в год выхожу из себя, когда слишком уж возмутительная несправедливость или нелепость лишает меня обычного спокойствия. В такие дни мне все вокруг уступают. Неожиданность – один из залогов победы. Меньше сцен, сударыня, но с большим блеском! Прощайте.

О золотом гвозде

Наконец-то вы мне ответили! О, разумеется, не назвав себя. Незнакомка по-прежнему остается для меня незнакомкой. Но мне теперь знаком, по крайней мере, ваш почерк, и он мне нравится. Прямые, четкие, разборчивые буквы – почерк порядочного человека. И порядочной женщины? Возможно! Но в своем письме вы задаете мне необычный вопрос.

«Уже пять лет, – пишете вы, – у меня есть нежный и умный друг. Он бывает у меня почти каждый день, советует, какие книги читать, что смотреть в театре, словом, заполняет мой досуг самым приятным образом. Мы никогда не переходили границ дружбы; у меня нет желания стать его любовницей, однако он добивается этого, настаивает, просто терзает меня; он утверждает, что во мне больше гордыни, чем страсти, что он невыносимо страдает, что так дольше продолжаться не может и он в конце концов перестанет видеться со мною. Следует ли уступить этому шантажу? Слово гадкое, но точное, ибо он прекрасно знает, что его дружба мне необходима. Видимо, он недостаточно ценит мою дружбу, раз добивается чего-то другого?..»

Не знаю, сударыня, читали ли вы повесть «Золотой гвоздь» Сент-Бёва. Он написал ее, чтобы покорить женщину, по отношению к которой находился в том же положении, в каком находится ваш друг по отношению к вам. Прелестная молодая женщина, слегка походившая на Диану-охотницу, не имевшая детей, выглядевшая моложе своих лет, обрекала его на муку, отказывая в последнем даре любви; он искусными доводами стремился добиться столь вожденной милости. «Обладать к тридцати пяти – сорока годам – пусть всего лишь раз – женщиной, которую ты давно знаешь и любишь, – это то, что я называю вбить вместе „золотой гвоздь“ дружбы».

Сент-Бёв считал, что нежность, скрепленная этим «золотым гвоздем», сохраняется затем на протяжении всей жизни надежнее, чем чувство, основанное просто на признательности, дружеской привязанности или общности интересов. В подтверждение своего мнения он приводил слова одного превосходного писателя XVIII века: «После интимной близости, длившейся какую-нибудь четверть часа, между двумя людьми, питающими даже не любовь, а хотя бы тяготение друг к другу, возникает такое доверие, такая легкость общения, такое нежное внимание друг к другу, какие не появятся и после десятилетней прочной дружбы».

Эта проблема «золотого гвоздя» стоит теперь и перед вами, сударыня. Насколько я понимаю, ваш друг ставит вопрос так же, как ставил его Сент-Бёв во времена Софи Луаре д'Арбувиль; мужчина и впрямь испытывает танталовы муки, сталкиваясь с кокеткой (быть может, даже не отдающей себе в этом отчета), которая непрестанно сулит ему блаженство, но оставляет алчущим. И все же я не верю в «золотой гвоздь». Первый опыт редко бывает самым удачным. Так что потребуется целая доска, утыканная подобными гвоздями.

По правде сказать, если бы ваш друг страдал так сильно, как утверждает, он бы уже давным-давно преодолел ваше сопротивление. Женщины интуитивно угадывают чувствительных мужчин, с которыми можно остаться на дружеской ноге. И хотя это их самих несколько и удивляет (одна англичанка так объясняла суть платонической любви: «Она пытается понять, чего же он хочет, а он ничего не хочет»), все же они вполне довольны и даже злоупотребляют созданным положением. Стоит, однако, появиться настоящему любовнику – и прощайте «дружеские призраки». С того самого дня, когда Шатобриан добился своего, Жюльетта Рекамье принадлежала лишь ему одному. Долгое время она пыталась сохранить цветы любви нетронутыми, но позднее убедилась, что и плоды хороши. Если можете, извлеките из этого полезный урок. Самые лучшие оракулы изъяснялись загадками. Прощайте.

О прибытии лектора

– Думаешь, это он?

– Уверен.

– С виду он, однако, не похож на писателя.

– У него вид озабоченного человека... Он ищет нас... Здравствуйте, дорогой мэтр.

– А! Здравствуйте... Вы господин Бернар?

– Он самый. А это моя супруга... Она все никак не хотела поверить в то, что вы – это вы... Вы кажетесь старше, чем на фотографиях... Поездка вас не слишком утомила?

– Устал как собака... Целый день в дороге... Сомнительный обед... Словом... Но у меня еще целых два часа до начала лекции, так что успею отдохнуть.

– Положим, двух часов у вас нет... Перед тем как проводить вас в гостиницу, я хотел бы показать вам зал... Вам будет приятно увидеть его.

– Право же, нет... Ведь он от этого лучше не станет...

– Крайне огорчен, дорогой мэтр, но нам необходимо туда заглянуть. Я условился о встрече с господином Блавским, владельцем кинотеатра; он ждет нас... А господин Блавский – человек необыкновенно обидчивый... К тому же, дорогой мэтр, лучше, чтобы я на месте вам кое-что разъяснил... Зал у нас большой, но акустика в нем неважная... Говорить следует очень громко и все время держаться возле стола, чуть повернувшись влево...

– Надеюсь, по крайней мере, что сцена у вас отапливается, я недавно переболел гриппом, и мой доктор...

– Увы, нет. Центральное отопление, конечно, есть, но оно не действует... Впрочем, когда зал полон, он быстро нагревается... На беду, нынче вечером нас будет не слишком много.

– Что, мало продали билетов?

– Очень мало, дорогой мэтр... Всего двадцать пять или тридцать... Но не тревожьтесь; когда я узнал об этой задаче, я велел разослать бесплатные входные билеты по школам и казармам, чтобы зал не казался таким уж пустым.

– У вас всегда так?

– О нет, уважаемый мэтр, случалось, лекции проходили с большим успехом... Однако нынче вечером в концертном зале мэрии играет Жак Тибо, а в Муниципальном театре дают «Трудные времена» в исполнении гастролирующей

здесь труппы Баре... Так что лекция, естественно...

– А вы не могли предварительно сговориться с организаторами концертов и с директором театра?

– Тут в некотором роде вопрос политики, уважаемый мэтр... Вы ведь сами знаете, что такое местные распри... Так или иначе, мы все равно не собрали бы много публики... Тема лекции – «Романы Стендаля» – мало кого привлекает... Не хотел бы вас расстраивать, дорогой мэтр, но согласитесь... Нет, в наших местах нравятся лекции на другие темы, например «Песня в 1900 году» с прослушиванием пластинок или, скажем, «Любовь в Турции»... Впрочем, я не сомневаюсь, что все будет прекрасно и те, кто придет, не пожалеют... Вот только для нашего общества это несколько накладно, оно ведь небогато.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пьер де Ронсар. «К Кассандре».

2

Души моей (исп.).

3

Мольер. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Искусство, 1965. С. 394.

4

Дорогая (исп.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andre-morua/pisma-neznakomke-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)